

4. Хмелик А.
5. А все-таки она вертится или турчанок в небе летит.
6. Тосек. ТЮЗ
7. Рем. — Абакумов А.
Худ. — Туркин В.

Премьера состоялась
30 ноября 1980 г.
Источник: г. Красное
Знамя / томск /, 1980, 13 н

ТРЕТЬЕГО НЕ ДАНО!

ИЛИ КЕМ СТАНЕТ ЛОПОТУХИН?

В Томском ТЮЗе — премьера. Со зрелищем в бурном потоке юных зрителей, только что шумевшем по всех доступных ему помещеньях, перемещающ в артельный зал. Невольно прониклись ритмом сцены, устремившись на своем месте и со восхищением, но всегда неповторимым волнением устремляю взгляд на сцену.

Она открыта: школьный класс, за окнами — синий раздолье с токими берегами, с белыми облаками и ненавязчивыми реалиями технической цивилизации. Такой знакомый, понятный, обжитой мир! Вся звуковая и графическая символика сцены, выполненная с чувством меры и хорошим вкусом (художник Владимир Туркин), говорит о том, что действие происходит в сегодняшнем детстве и в детстве вообще.

А что, собственно, происходит? Внешне — привычная серия неприятностей в классе, где учится Нася Лопотухина — немалый фаворит и герой небывалых историй, из-за которых он вечно опаздывает на уроки. Но важно не то, что с ним случается: пожар, наводнение умеренных масштабов или встреча с гуманоидами. Важно, что во всем этом зритель видит, как сперва, как формируется человек, как восходит личность из опыта человеческой истории и конкретного воздействия среды. Иные говоря, происходит обыкновенное чудо и одновременно оптимистическая трагедия воспитания. Сущность ее — в вынесении в название объемно-лаконичной метафоры: «А все-таки она вертится!» Со временем Галилео Галилей этот вечный символ вечной борьбы полярных убеждений, волеизъявления между верой и неверием, барьер между рывками и разрушительными мечтами.

Итак, один из вариантов проталкивания между чистотой, не замутненной телесностями иерархий миропонимания подростка и догмами житейской мудрости взрослых. Причем не вообще взрослых, а тех, которые чрезмерно радуются безопасности и стабильности куда-то добывать мимикрии. Полярные точки конфликта — Вася Лопотухин и Алла Константиновна.

Другие действующие лица постепенно группируются вокруг них, ближе или дальше от эпицентра. Борение сил время от времени вадиме уравнивается. На каждый новый тезис возникает антитеза, и все балансирует на грани возможного.

Сохраняя идейно-художественный пафос драматургии А. Хмелика, режиссер Аркадий Абакумов создал полемический спектакль, увлекательный, веселый, переживающийся всеми красками сегодняшней юности. Он близок и понятен каждому, прожившему, по крайней мере, два первых своих семилетия.

В многоцветном спектре актерских работ сразу располагается к себе исполнитель роли Лопотухина Петр Рабчевский. Минимумом средств он рисует убедительный образ вдумчивого, наблюдательного, интеллектуально и духовно здорового младшего нашего современника. Но — дитя НТР — он немного одинок, не очень коммуникабелен. В его Лопотухине явися нам, как жизненная истина, как результат истории, нормальный советский подросток начала восьмидесятых годов. В герое Рабчевского видна природная запрограммированность человека на творчество, на полет души. А у Лопотухина это и единственное оружие в его нелегкой борьбе с воспитателями устаревших догм.

Интересен, точнее в основных характеристиках, хотя и чуть схематичен, образ Шафиров. Актер Николай Ежов показывает в своем герое лучшие качества сегодняшних старшеклассников. Его Шафиров обладает богатой интуицией. Он аналитик, исследователь, теоретик. И естественно, что довольно скоро главные внимание переключает на него и с ним, Шафировым, связываются все надежды. (Индором Лопотухин после экспедиции к юноплатежкам отмечает: «Шафировых у нас побольше».) Недостаточность сил для победы, хотя он изобретателен, честен и

смел. Но он скорее поэт. Шафиров — его единомышленник и продолжатель — более деятелен и активен. В нем — задатки борца, обожательного и упорного. Он даже с учительницей, с самим директором вступает в благородный спор, если у него есть аргументы. И, может быть, главный среди них — вера в совершенство, непогрешимость, высшую порядочность взрослого мира. Увы, он еще не знает о том, что мир взрослых, на который всегда ориентируется детство, может быть ниже своего долга и достоинства. Нередко благозвучие взрослого принимает характер откровенной ограниченности, безнадежности, как у Аллы Константиновны, «педагогической», как у директора, или основанной на традициях ремня, как у дяди Коли.

И во всех случаях это — уход от решения проблемы, способ отгородиться от глоса ритма, света бегущего дня. Выразительно: рисует откровенную античеловеческую ограниченность в рамках своих прав актриса М. Орлова, но она не обвиняет свое героиню и поэтому делает образ Аллы Константиновны малобудительным, даже декоративным.

Глубже, эмоционально сильнее образ ее партнера — директора школы (Иков Орлов). По-мальчишески неравнодушный, он сам, может быть, — вчерашний Лопотухин, в котором воспитатели утверждали те самые понятия, какие сегодня Край Леонидович пытается привить своему подопечному.

В целом удачны и хорошо воспринимаются актерские работы Галины Куки (Манахова), Сергея Кошарева (Полудингов), Андрея Краско в роли Петрова, Анастасии Мищенко в роли Павлова. Запоминаются и эпизодические персонажи Светлана Скрипченко, Ольга Рабкова, Катя Камневой. Ирий «Дружничной» (совет «дружины»).

Космизм, доминирующий в системе их изобразительных средств, в основном оправдан. Но есть сцены, в которых чувство меры нарушается. И тогда исчезает ансамбль.

Так, например, образ Петрова, при всей его эффефности, дисбалансирует общему ритму спектакля. И причина, по-моему, здесь в трактовке героя. Конечно, в принципе комический герой может быть положительным (в детской и юношеской драматургии чаще всего так и бывает), но только не такой, как Петров. В его характере уже ясно проступает болезненная простота, безответственность, асоциальность. С поправкой на внешние атрибуты времени Петров — это будущий дядя Коли. И его образ не должен ни в малейшей степени вызывать симпатии зрительного зала, заслонять собою других, чем, кажется, актер убавляет. Воспитательная функция образа его взрослого «двойника» — дяди Коли — гораздо значительнее. Он откровенно сатиричен, но оставляет неоднозначное впечатление. В какой-то момент он даже привлекает «дружиной» с Лопотухиным и Корыстиным допозволением пьютники (как оркестр слышат смех детей, понимающих недетский жаркам по поводу «малого ала», «консерваторий» и «фуг», которыми увлекуются дядя Коли, к сожалению, не такие уж редкие).

Но актер Анатолий Насадюкин не просто играет роль своего героя, он разлагает в нем агрессивную жестокость возникающей типичности и консерватора. И сию, что дядя Коли и его лежачий, и Иванчик то же значили когда-то с «Бад-бада» и логично пришли к своему настоящему. В воспитании сдерживание равно обрывается назад. Ставки нет: человек или развивается, движется вперед, или отстает от своих сверстников. Третьего не дано.

Ответ на сам собой возникающий вопрос, были ли быть Лопотухину новым человеком, автор оптимистично предопределил формулой: «А все-таки она вертится!» Но, глядя на то, что происходит на сцене, понимаешь, что до такого решения довольно далеко. Конечно, конечно, что задержать «Земли вращения» не в силах никакая педагогическая осторожность. Но сдерживать есть смысл, а сдерживание — это не сдерживание, это подзвездная природа природы она вполне может.

Эту тревогу подтверждает правдивое в финале, на ответ на страстное, накаленное до предела ожидание Шафиров и всего зрительного зала, воплощенное в вопросе «Да или нет?», «еда знаю!».

В этом — причина детских раздумий после такого веселого, хорошо представленного остроумного спектакля.

Р. КОЛЕСНИКОВА.